

Дискурсивно-историко- прагматистско- конструктивистская институциональная экономика и понимание природы денег (ответ П.Н. Тесле)¹

В. М. ЕФИМОВ, доктор экономических наук
E-mail: vladimir.yefimov@wanadoo.fr
независимый исследователь, Франция

Аннотация. Статья является ответом на рецензию П. Н. Тесле книги «Деньги, социальные порядки и экономическая наука». В этой рецензии ее автор про-являет многие верования-убеждения современного российского сообщества академических экономистов, поэтому ответ на нее может рассматриваться как анализ этих верований. Глубокая их укорененность, связанная с господствующими привычками мышления, приводит к трудностям понимания текста рецензируемой книги, которые в данной статье названы точками непонимания и подробно анализируются. Особенно подробно рассматривается ложное восприятие вводимого в книге понятия платежного сообщества, которое позволяет дать углубленное понимание денег как социального института.

Ключевые слова: привычки мышления; академические экономисты; точки непонимания; дискурсивно-историко-прагматистско-конструктивистский институциональный подход; платежное сообщество; институциональная теория денег; бухгалтерский учет как модель; двойная запись как умственная привычка; альтернатива существующим социальным порядкам

«Точки непонимания» дискурсивно-историко- прагматистско-конструктивистского институционального подхода

Дискурсивно-историко-прагматистско-конструктивистский институциональный подход, примененный в экономической науке и по отношению к ней, был подробно изложен в моей книге «Экономическая наука под вопросом: иные методология, история, исследовательские практики» [Ефимов, 2016]. Однако,

¹ Автор благодарен Сергею Сергеевичу Качковскому, Валериану Владимировичу Попкову и Филипу Эссартелю (Philippe Eyssartel) за обсуждение идей, изложенных в этой статье.

несмотря на несколько опубликованных положительных и даже хвалебных рецензий, эта книга для абсолютного большинства российских академических экономистов осталась непонятой, а ее идеи были отторгнуты. Боюсь, что с моей новой книгой «Деньги, социальные порядки и экономическая наука» [Ефимов, 2021] происходит сейчас то же самое.

Существуют определенные положения дискурсивно-историко-прагматистско-конструктивистского институционального подхода, которые никак не могут быть поняты членами современных сообществ академических экономистов, независимо от их политических взглядов и принадлежности к той или иной школе. Не избежал этого непонимания и Павел Николаевич Тесля.

То, что из этого подхода действующие экономисты никак не могут освоить, можно охарактеризовать как «точки непонимания». Вот их список.

1. Единственным источником регулярности в экономической, и более широко – социальной – жизни является следование в своем поведении всех членов изучаемого общества (сообщества) определенным правилам-привычкам, за которыми стоят их верования-убеждения.

2. Эти правила-привычки рукотворны, они были коллективно сконструированы и продолжают конструироваться в ответ на возникновение проблемных ситуаций. В этом процессе решающую роль играют верования-убеждения, на которые всячески пытаются воздействовать члены общества (сообщества), наделенные властью.

3. Определяющие правила-привычки являются результатом, как правило, длительной эволюции взаимодействий членов общества (сообщества) и находят свои корни в далеком прошлом.

4. Важнейший инструмент взаимодействий людей – естественный язык, на котором формулируются как правила-привычки, так и верования-убеждения. Для выявления тех и других исследователю нужно вступить в дискурсивный контакт с членами общества (сообщества) – их носителями и получить от них их языковую формулировку. Так как определяющие правила-привычки и верования-убеждения разделяются всеми членами

общества (сообщества), то они дискурсивно проявляются при достаточно небольшой выборке.

5. Правила-привычки и верования-убеждения и есть, в конечном счете, те социальные факты, которые подлежат выявлению на основе дискурсивного анализа. Эти факты-дискурсы могут выявляться не только прямым контактом с акторами, но также путем изучения всевозможных документов, где они были зафиксированы. Особенно это относится к фактам прошлого (исторический подход).

6. Следование одним и тем же правилам, принимающим форму привычек, и наличие одних и тех же верований-убеждений превращает людей в сообщество. Понятие сообщества не пользуется у экономистов популярностью.

7. Деньги являются социальным институтом, и его углубленное понимание может быть осуществлено с помощью понятия платежного сообщества.

Довольно часто рецензии пишут в виде реферата рецензируемой книги. Это соответствует одному из правил функционирования профессии академических экономистов, а именно: все произведенные, логически и риторически связные тексты, имеющие ссылки на известные и принятые хотя бы частью сообщества источники, имеют право на существование.

При этом соответствие текста действительности, как точно заметил А. Кламер, имеет второстепенное, а то и вообще нулевое значение. Рассматриваемая здесь рецензия П. Н. Тесли [Тесля, 2021] совсем другая. В ней автор излагает свое впечатление о прочитанной книге. И этим он очень похож на двух других рецензентов, которые публично высказались по поводу трех (из семи) глав книги (Н. А. Шапиро – гл. 1 [Шапиро, 2021] и Кирдина-Чэндлер – гл. 3 и 5 [Кирдина-Чэндлер, 2019]).

В рассматриваемых ими главах 1, 3 и 5 исследование основано на анализе фактов, которые говорят о верованиях-убеждениях акторов в рассматриваемой действительности и основанных на них их правилах-привычках, а также условиях их формирования. В гл. 1 акторами были академические экономисты, а в гл. 3 и 5 – экономические и политические деятели Запада и России. Так вот, обсуждение моего анализа фактов полностью отсутствует в статьях всех трех рецензентов.

И это не случайно, ведь еще Дж.С. Милль указывал, что экономисты должны проводить свои исследования на базе не фактов, а предпосылок. И это положение является глубоким верованием-убеждением современных академических экономистов. В результате все трое обратили внимание прежде всего на используемую мной методологию. Н.А. Шапиро и С.Г. Кирдина-Чэндлер ее критикуют, а П.Н. Тесля на словах хвалит², а на практике проявляет ее непонимание.

Вот образец такого непонимания в точках 1, 4 и 5: «Чтобы выявить свойства этих институтов, исследователю необходимо изучить эти правила и привычки, а также лежащие в их основе верования-убеждения, которые фиксируются, рефлексированы, а иногда и ставятся под сомнение в дискурсах индивидуумов. Собрать эту информацию в первую очередь можно с помощью интервью, но существуют и более глубинные методы сбора количественных и качественных данных. Но что делать после того, как информация собрана? Отчетливого ответа в книге нет» [Тесля, 2021. С.188–189].

Павел Николаевич, по-видимому, не воспринял мое утверждение [Ефимов, 2021. С. 74], что правила, выявленные на основе анализа дискурсов акторов, и есть единственный источник регулярностей и тем самым являются конечным результатом исследования. Сейчас анализ дискурсов можно проводить, используя компьютер, я же в свое время делал это вручную. Читая записи интервью нескольких акторов, я выделял (кодировал) те в них места, которые по-разному рассказывают об одних и тех же правилах, вырезал из них ножницами части, имеющие один и тот же код, и склеивал их вместе. Затем, анализируя страницы, полученные путем склеивания, формулировал уже на своем языке (языке исследователя) правила, рассказанные в том или ином виде акторами.

На процитированный выше вопрос П.Н. Тесля сам же и отвечает: «Возможно, нам следует построить модели поведения людей, которые дадут приемлемое описание наблюдаемых фактов и мотивации (верований-убеждений) в рамках опривыченных правил и использовать их для построения прогнозов?»

² «На наш взгляд, наиболее интересным материалом в обеих книгах Владимира Максвича является продвигаемая им методология исходного институционализма и немецкой историко-этической школы» [Тесля, 2021. С.179–180.].

Однако Владимир Максович призывает относиться к моделям с большой осторожностью, а прогнозирования в его методологию вообще не вписываются» [Тесля, 2021. С. 189]. Этим он подтвердил свое непонимание в точках 1, 4 и 5. Математическому моделированию в теперешнем мейнстриме было положено начало маржиналистской революцией Л. Вальраса и У. Джевонса, и такое моделирование никак не схватывает источник регулярностей в социальной сфере, а именно опривыченные правила. Исследования, в том числе и в естественных науках, проводятся для понимания тех или иных закономерностей. На такой основе можно пытаться прогнозировать, но без этого понимания попытки прогнозирования обречены на неудачу.

Каким должен быть экспериментальный подход в экономике?

Стандартно для верований-убеждений современного экономиста П. Н. Тесля воспринимает эксперименты как способ проверки «надежности и объективности полученных знаний» [Тесля, 2021. С.189], а не как способ их получения. Он упрекает меня в скептическом отношении к «устоявшейся методологии экспериментальной экономики» [Там же]. Но дело в том, что практикуемая экономистами мейнстрима экспериментальная экономика основывается на теоретико-игровых схемах, и в качестве игроков, как правило, используют студентов, а не реальных акторов. Автор рецензии задает вопрос: «Почему этими наработками не стоит пользоваться?» и отмечает: «Отчетливого ответа и на этот вопрос в книге мы не видим» [Там же].

По-видимому, Павел Николаевич прошел мимо следующего пассажа моей книги: «Переход на теоретико-игровую схему рассуждений не внес каких-то принципиальных новшеств и может рассматриваться как продолжение неоклассической парадигмы. Так же, как и исходная неоклассика (маржинализм) возникла на иррациональной основе использования термодинамической формулы, так и использование математической теории игр для “исследования” экономики было совершенно иррациональным <...> Взяв теоретико-игровую схему в качестве основы построения лабораторных экспериментов, Дэниэл Канеман и Амос Тверски [Kahneman, Tversky, 2000] под лозунгом “поведенческой экономики”, а также Чарльз Плотт и Вернон Смит [Plott,

Smith, 2008; Смит, 2008] под лозунгом «экспериментальной экономики», упростили экономическую реальность до уровня салонной игры. Это они сделали, следуя фон Нейману, который полагал, что “любая социальная ситуация” может быть “редуцирована до шахмат” [Леонард, 2006. С. 277]. Более сорока лет тому назад я писал по этому поводу: “На языке понятий теории игр, а, следовательно, на языке категорий салонных игр (стратегия, платеж) нельзя отразить самого главного в поведении индивида в социально-экономических системах, а именно, структуры ролей” [Ефимов, 1978. С. 173]. Сейчас я бы не стал апеллировать к понятию роли, но так как социальная роль определяется совокупностью норм поведения, то утверждение в целом остается верным. Теоретический язык у этих авторов во многом позаимствован у стандартного микроэкономического подхода. Он у них просто несколько “усовершенствован” [Ефимов, 2021. С. 264].

В свое время на протяжении 10 лет я пытался создать альтернативу неоклассической лабораторной экспериментальной экономике [Ефимов, 1978; Ефимов, Комаров, 1980; Ефимов, 1986; 1988], а результаты моих натуральных экспериментов, проводимых в 1990-е годы в Переславском районе Ярославской области и в Акмолинской области Казахстана, отражены в моей книге, изданной в Париже [Yefimov, 2003].

Факты не как иллюстрации теоретических построений, а как объекты исследования

Среди правил-привычек академических экономистов важнейшими являются их привычки мышления, о которых писал один из основателей институциональной экономики У. Гамильтон [Гамильтон, 2007. С. 117]. Среди них легко наблюдается рассмотрение фактов не как объекта исследования, а как иллюстрации теоретических построений, откуда и отсутствие интереса, и навыков их анализа. Следуя такой привычке мышления, Павел Николаевич характеризует мой исторический анализ как «исторический обзор», замечая, что «в таком ключе писали в прошлом и позапрошлом веках» [Тесля, 2021. С. 171–172].

Практически все главы книги, может быть, в разной степени, основаны на исторических данных. Однако называть это «историческим обзором» неправильно, так как данные эти встроены

в книге в институциональный анализ генезиса западного и российского социальных порядков, от которых этот анализ и отталкивается. С таким же успехом книгу Дж. Коммонса «Правовые основы капитализма» [Коммонс, 2011], можно характеризовать как исторический обзор деятельности Верховного суда США. Аналогично данные о генезисе и эволюции экономической дисциплины встроены в книгу в институциональный анализ профессии экономистов-теоретиков.

Павел Николаевич, по-видимому, прошел мимо следующих описанных в книге ключевых исторических фактов, стоящих у истоков монетарного социального порядка: рождение банковской деятельности из выдачи ювелирами (они тогда играли роль банкиров) кредитов в виде долговых расписок на золото, которого у них не было; Славная революция в Англии и создание Банка Англии, приведшие банкиров к власти; введение электоральной демократии, которая, в условиях концентрации денег у хозяев финансов, промышленности и торговли, лишает народ права на принятие решений; возникновение университетской экономической дисциплины в традициях курсов моральной философии, для идеологического оправдания монетарного социального порядка.

Павел Николаевич считает, что «многочисленные ссылки на историю» приводятся в книге в целях «доказательства» неких тезисов [Тесля, 2021. С.175]. Историко-конструктивистский анализ социально-экономико-политической реальности состоит в выявлении того, как существующие ныне правила взаимодействия членов определенных сообществ, зафиксированные в обычаях и праве, постепенно социально конструировались в течение длительного времени (чаще всего – на протяжении нескольких веков).

Такой тип анализа позволяет глубоко понять ныне действующие социальные порядки и оценить возможности их преобразования на базе, опять же, продолжительного социального конструирования. Последнее предполагает постепенное изменение социальных практик в процессе массового социального экспериментирования и фиксации новых правил в привычках.

Нынешние исследователи такому типу анализа совсем не обучены. Мало того, тексты, в которых излагаются полученные с его помощью результаты, воспринимаются читателями

с большим трудом. И те и другие привыкли, по-видимому, к аналитическим схемам, основанным прежде всего на предположениях, а не на фактах. Кроме того, для того, чтобы схватить логику историко-конструктивистского рассуждения, нужно держать в голове все последовательно изложенные в тексте факты, а это не имеет места, когда текст только просматривается, а не читается медленно и вдумчиво.

Незнакомая экономистам прагматистская философия

П.Н. Тесля пишет, что «книгу можно также классифицировать как экономико-философское исследование, опыт развития методологии научно-практической конструктивистской деятельности, направленной на изучение и совершенствование (конструирование) социального порядка» [Тесля, 2021. С. 172]. Я в этой книге, следуя примеру Дж. Коммонса, отталкиваюсь от прагматистской философии Ч. Пирса и Дж. Дьюи [Ефимов, 2021. С. 51], однако «экономико-философским исследованием» она не является.

Главы 1 и 7 посвящены институциональному анализу функционирования сообщества российских экономистов-теоретиков. В главе 2 я знакоблю читателя с азами философии Дж. Дьюи и, с позиций его идей, обсуждаются направления реформ как социальных порядков, так и профессии экономиста, трансформация которой является необходимым условием преобразования социальных порядков. Эти направления резюмируются в Заключение. В главах 3 и 5 проведен институциональный анализ генезиса западного и российского социальных порядков. В главе 4 приводятся идеи двух современных социологов и пяти известных экономистов прошлого, нацеленные на понимание института денег и его реформирование. Без такого понимания трансформация социальных порядков будет невозможна. Глава 6, следующая сразу за главой, в которой анализируется генезис современного социального порядка в России, с одной стороны, дополняет её, а с другой – показывает бесперспективность поиска будущего России в прошлом СССР.

Во всех этих главах, следуя философии Дж. Дьюи, мною приводятся факты, свидетельствующие либо о правилах-привычках, либо о верованиях-убеждениях, стоящих за ними.

Именно они и определяют социальные закономерности. В одних главах это касается социальных порядков, в других – профессии экономиста-теоретика.

В статье П. Н. Тесли просматривается одно фундаментальное противоречие: с одной стороны, автор всячески клеймит экономический мейнстрим, а, с другой – активно использует его понятия и идеи. Например, институциональные изменения Павел Николаевич трактует как результат выбора (выбор – одно из центральных понятий экономического мейнстрима), я же рассматриваю их как постепенную массовую смену привычек (опривыченных правил) и господствующих идей (верований-убеждений)³. Особенно ярко это противоречие проявляется в отношении трактовки денег. Так, как к авторитетному источнику в этой области автор статьи обращается к учебнику Н. Г. Мэнкью⁴, книги которого пришли на смену знаменитому учебнику П. Самуэльсона.

Вместо ученых-схоластов – ученые-исследователи

Павел Николаевич спрашивает: «Почему вымирают «исследователи» и, в частности, «любопытные альтруисты»?» [Тесля, 2021. С. 181] и утверждает, что «в книге этот вопрос не получил должного освещения» [Там же]. Здесь проявились его 1-я, 2-я

³ Отсюда следует, что важнейшим инструментом институциональных изменений является воспитание и образование, как важная часть последнего. Образование формирует идеи (верования-убеждения), которые лежат или могут лежать в основе существующих или новых правил-привычек. Сегодня же экономическое образование служит институциональной неизменности, сохранению существующих социальных порядков.

⁴ Н. Г. Мэнкью является автором учебников не только по макро-, но и по микро-экономике. В ноябре 2011 г. студенты Гарвардского университета покинули его лекцию в знак протеста, послав ему письмо, которое начиналось так: «Сегодня мы уходим с ваших занятий по “Экономикс 10”, для того, чтобы выразить свое недовольство предвзятостью, присущей этому вводному курсу экономики. Мы глубоко обеспокоены тем, что эта предвзятость влияет на студентов, университет, и на все общество. Как студенты Гарварда, мы выбрали курс “Экономикс 10”, надеясь получить широкие вводные основы экономической теории, которая поможет нам в наших интеллектуальных занятиях и различных дисциплинах, которые варьируются от экономики до управления, наук об окружающей среде и публичной политики. Вместо этого мы получили курс, демонстрирующий специфический и ограниченный взгляд на экономику, который, мы считаем, увековечивает проблематичную и неэффективную систему экономического неравенства в нашем обществе сегодня» URL: <https://forum-msk.org/material/news/7730342.html>

и 3-я «точки непонимания». Ответ на этот вопрос мною представлен в главе 7, где приводится проведенное мной изучение случая (case study) академического поведения А. А. Мальцева. В моей предыдущей книге [Ефимов, 2016] ответ на заданный П. Н. Теслией вопрос был осуществлен в более развернутом историко-конструктивистском виде при анализе генезиса и функционирования социального института профессии академических экономистов. Павел Николаевич же, следуя мейнстримовской традиции методологического индивидуализма, считает, что «причину отказа от критического осмысления природы социальных порядков надо искать в мотивации современных экономистов и социологов» [Тесля, 2021. С. 181].

П. Н. Тесля правильно подметил, что оценка академических работников по количеству публикаций в престижных журналах и имеющиеся препятствия проникновения в эти журналы новых революционных идей ведет к вымыванию из академических сообществ «исследователей» и, в частности, «любопытных альтруистов». Однако указанные правила представляют собой только часть правил функционирования профессии академических экономистов и социологов – профессии, которая сама является социальным институтом.

Существует много других правил, составляющих этот институт, среди них важнейшие – правила обучения будущих академических работников и их отбора. Оценить их устойчивость можно, только поняв генезис этой профессии в западных университетах в середине XIX века и в СССР в середине XX века.

На вопрос П. Н. Тесли «Почему из университетов, и обычных, и престижных, выходят апологеты существующего социального порядка?» [Тесля, 2021. С.184] ответ таков: потому что профессия университетского экономиста так была запрограммирована с момента ее возникновения, и следование ее генетическому коду всячески поддерживается властью имущими, которым существующие порядки выгодны. Павел Николаевич же видит причину данного положения в экономическом образовании исключительно в присоединении России к Болонскому процессу.

Ложно он видит и путь положительных изменений в профессии академических экономистов «в реакции научного сообщества, его солидарности и решимости» [Тесля, 2021. С. 185]. В конце предисловия рецензируемой книги я пишу

следующее: «Моя предыдущая книга [Ефимов, 2016] была, с одной стороны, призывом к радикальной реформе профессии академических/университетских экономистов, а, с другой стороны, обращением к молодым людям, которых не удовлетворяет нынешний социальный порядок и которые хотели бы способствовать его изменению. Эти призыв и обращение находят свое продолжение в этой моей новой книге» [Ефимов, 2021. С. 13]. Предисловие же моей предыдущей книги закачивается так: «Эта книга предназначена не только для экономистов и, может быть даже, не столько для экономистов, сколько для всех тех молодых людей, которых не удовлетворяет нынешний социально-экономический порядок и которые хотели бы способствовать его изменению. Такое изменение не может обойтись без радикальной реформы профессии экономистов, *которая неизбежно должна быть инициирована не изнутри сообщества профессиональных экономистов, а демократически извне его*» [Ефимов, 2016. С. 9].

Институциональная теория денег

Особенно ярко невосприятие дискурсивно-историко-прагматистско-конструктивистского институционального подхода проявляется в статье П. Н. Тесли, когда речь заходит о проблематике денег: точка непонимания № 7. И в этом он не одинок, у многих читателей моих текстов вызывает сложность восприятие понятия долга платежного сообщества обладателю денег, да и понятия платежного сообщества вообще.

Деньги – это правила взаимодействия членов определенного платежного сообщества, использующего одну и ту же валюту. Клиенты частного банка образуют частное платежное сообщество, тогда как публичное платежное сообщество формируется внутри государства, которое его легитимирует. Платежное сообщество может создаваться и без банка, и без государства. Это сообщества, использующие в своем взаимодействии так называемые локальные валюты, которых в мире сейчас довольно много. Они не обязательно привязаны к какому-то географическому региону, определяющим для них является наличие сообществ, члены которых их используют в своих взаимодействиях. Последних нередко связывает не месторасположение, а Интернет.

Сказать, в чем состоит взаимодействие членов платежных сообществ, равносильно объяснению, что такое деньги. С одной стороны, деньги – это требования (claims) их обладателя на товары и услуги, предлагаемые для продажи членами платежного сообщества (универсальные карточки), а, с другой стороны, деньги – это долг (debt) платежного сообщества обладателю денег (долговая расписка). В обычной карточной системе, например, распространенной во время Второй мировой войны, карточки не были универсальными, и, в отличие от денег, давали право на определенный вид продукта (хлеб, молоко и т.п.). Деньги же дают право физическим и юридическим лицам, членам платежного сообщества на приобретение у других его членов любых товаров и услуг, предлагаемых ими. Передача денег за купленный товар и полученную услугу является возвратом покупателем долговой расписки платежному сообществу в лице его конкретного члена.

Платежное сообщество в лице конкретного продавца, своего члена, обязано предоставить обладателю денег требуемые ему товары и услуги на сумму, зафиксированную в имеющейся у него «долговой расписке» (то есть на ту сумму денег, которую он согласен заплатить, вернув тем самым «долговую расписку» в платежное сообщество).

В платежное сообщество входят те, кто производит и/или продает определенные товары и предоставляет определенные услуги. Банки же в него не входят, а образуют инфраструктуру для взаимодействия его членов. Прочитую и прокомментирую место из статьи П. Н. Тесли, которое свидетельствует о его нахождении в точке непонимания № 7: «Как говорится в книге, с помощью наличных и безналичных денег происходит погашение обязательств не между индивидуальными хозяйственными субъектами, а между отдельными хозяйственными субъектами со всей их совокупностью, объединенными в платежное сообщество» [Тесля, 2021. С. 176].

Слово «обязательство» здесь у Павла Николаевича относится к деньгам, а используемое мною выше слово «требования» (claims) касается товаров и услуг. Наличие у члена платежного сообщества денег дает ему право «требовать» имеющиеся у членов платежного сообщества товары и услуги. Платежное сообщество является «должником» этого своего члена, но должно

ему не деньги, а товары и услуги. Предоставлением каким-либо членом платежного сообщества ему товаров и услуг, равных по ценности (в названных ценах) предъявленным им деньгам, этот долг гасится возвратом в платежное сообщество (в лице продавца) «долговой расписки» этого сообщества (денег).

Далее, то, что Павел Николаевич пишет, можно рассматривать как недоразумение, основанное на точке непонимания № 7: «Ключевую роль в платежном сообществе занимают эмитенты банкнот, казначейских билетов, разменной монеты, записей на денежных счетах, а именно: государство, банки и другие “хозяева денег”. Лишь эмитенты денег являются истинными должниками последней инстанции. Что касается индивидуальных долговых отношений, то они за очень редкими исключениями конкретны и персонифицированы: известно, кто, кому, сколько и в течение какого времени должен. И лишь только в некоторых примитивных обществах, не «испорченных» монетарным социальным порядком, антропологи наблюдали обезличенные “абстрактные” обязательства людей перед своим племенем и наоборот» [Там же. С. 178].

Следующая фраза из статьи П. Н. Тесли показывает, что он не воспринял не только букву моей книги, но и ее дух: «В тех платежных сообществах, где деньги и денежные институты хорошо выполняют свою кредитно-долговую функцию, все обстоит более-менее благополучно. Такие социальные порядки стабильны, они успешно развиваются» [Там же].

Да, действительно, в монетарных социальных порядках, «где деньги и денежные институты хорошо выполняют свою кредитно-долговую функцию», все обстоит очень даже благополучно для тех, кто деньги производит и ими манипулирует (финансовая олигархия), и тех, у кого их много (торговая и промышленная олигархия), но для всех остальных благополучие является весьма относительным. Я, как внутренний наблюдатель французской реальности, могу засвидетельствовать, что о стабильности и успешном развитии французского монетарного социального порядка говорить не приходится⁵.

⁵ Движение Желтых жилетов это подтверждает.

Для благополучия народа наличие платежного сообщества с развитой и эффективной платежной системой действительно необходимо, но отнюдь не достаточно. Благополучие существенно зависит от того, насколько граждане участвуют в принятии решений, то есть какова система власти в обществе. Одной из идей моей книги является достаточно банальное утверждение, что в настоящее время в западных странах основным источником власти являются деньги. В главе 3 я показываю, как этот порядок возник и каковы его механизмы функционирования.

Трактовка природы денег в учебниках

Павел Николаевич пишет: «Владимир Максович безусловно прав, утверждая, что деньги имеют кредитную природу. Такая точка зрения достаточно глубоко укоренилась в современном дискурсе. Большинство серьезных современных учебников по банковскому делу, по финансам и макроэкономике в явном виде или по умолчанию принимают этот подход» [Тесля, 2021. С. 185].

Однако все эти «серьезные современные учебники» либо просто неоклассические, либо находятся под сильным влиянием неоклассики (экономического мейнстрима). Причем, что любопытно, это касается учебников и тех авторов, которые являются убежденными сторонниками западного экономикса [Розанова, 2016; 2017], и тех, что имеют богатое марксистское прошлое [Лаврушин, 2016]⁶. Так, все они объясняют безналичную денежную эмиссию на основе модели мультипликатора, которая излагается также в учебнике гуру мейнстримовского экономикса Грегори Мэнкью [Мэнкью, 2010. С. 295–296].

В восприятиях и рассуждениях П. Н. Тесли сказывается также его погруженность в миф, о котором авторитетный историк бухгалтерского учета Я. В. Соколов пишет следующее: «Среди бухгалтеров широко распространен миф о том, что двойная бухгалтерия объективно отражает хозяйственные процессы. С практической точки зрения этот миф даже полезен, ибо люди

⁶ Лаврушин О. Кредит в социалистическом обществе. М.: Финансы. 1974. На сайте URL: <https://famous-scientists.ru/2516> утверждается, что «им предложен новый подход к исследованию монетарной сферы с использованием таких категорий диалектики как сущность и необходимость, функция и роль. Открытые им законы кредита имеют значительную практическую ценность».

работающие полны энтузиазма, искренне думая, что обрели истину, а с ней и осознание счастья. Однако с точки зрения науки этот миф, в сущности, самый опасный, так как создает уверенность в объективности, достоверности и точности бухгалтерских данных. Но вера эта в значительной степени ошибочна» [Соколов, 2014. С. 33].

Один из разделов этой книги Я. В. Соколова озаглавлен «Методологические пороки двойной записи», который начинается со следующего утверждения: «Главный и, как это ни парадоксально, до сих пор не отмеченный *недостаток двойной записи состоит в том, что она, как всякая модель* (курсив мой, В.Е.), может исказить и искажает реальное положение дел: как финансовое положение фирмы, так и ее финансовые результаты» [Там же. С. 133]. В другой своей книге он пишет, что «двойственность – это только умственная привычка, подаренная нам Пачоли, и только привычка, а не какой-то вечный закон природы» [Соколов, Соколов, 2004. С. 51].

О приверженности Павла Николаевича мифу и умственной привычке, о которых писал Я. В. Соколов, говорит следующая фраза его статьи: «Тезис Шумпетера о том, что все банковские операции следует трактовать в терминах национальных бухгалтерских книг, давно стал общепринятым. Всякий студент, освоивший принципы банковских финансов, теперь это знает. По этой причине всем известно, что создавать ссуды можно только путем трансформации в долг заемщика (инвестирования) тех денежных средств, которые имеются на корреспондентских счетах или в кассе банка (свободных резервов и денежной наличности) или (реже) на счетах высоколиквидных ценных бумаг, имеющих в **активе** банков (если, например, банк предоставляет вексельный кредит). Никакие **пассивные** счета (а депозиты – это пассивы банков) со ссудной операцией корреспондировать не могут» [Тесля, 2021. С. 185].

Здесь он проявил неправильное понимание и дал неверную трактовку утверждения Шумпетера, что деньги – это social accounting. Возможно, частично я сам в этом виноват, дав перевод social accounting как бухгалтерской книги общества. Бухгалтерский учет – это модель действительности, а деньги – это сама действительность. Деньги, как учетная система, не имеют двойной записи, но имеют двойную природу (как уже

упоминалось, с одной стороны, это требования (claims) обладателя денег на товары и услуги, предлагаемые платежным сообществом (карточки), а, с другой – это долг (debt) ему платежного сообщества (долговая расписка)).

Добавление в рассуждения Шумпетера понятия платежного сообщества мне кажется очень плодотворным. Ведь деньги – это учетная система платежного сообщества. Крах советской экономической системы я в книге объясняю именно отсутствием в СССР платежного сообщества и подменой его государством. «Карточным» характером денег и возможностью концентрации их в руках отдельных членов платежных сообществ в западных странах я объясняю несправедливость и социальную порочность социальных порядков этих стран.

Приведу еще раз следующее высказывание Павла Николаевича: «Как говорится в книге, с помощью наличных и безналичных денег происходит погашение обязательств не между индивидуальными хозяйственными субъектами, а между отдельными хозяйственными субъектами со всей их совокупностью, объединенных в платежное сообщество» [Тесля, 2021. С.178]. Обращаю внимание на использование слова «обязательство».

Вот какой комментарий по этому поводу предоставил консультирующий меня С.С. Качковский: «Можно предположить, что в представлении П.Н. Тесли существуют два неравнозначных понятия – “обязательство” (задолженность, долг и т.п.) и “деньги”. Обязательство для него – это просто фиксация обещания предоставить деньги, а деньги – это некий “предмет” (пусть даже в электронном виде), который “передается” и погашает созданные обязательства. Поэтому, когда рассматривается процесс создания денег через кредитование, он подразумевает, что в момент предоставления кредита (заключения договора) никаких денег не создается, а создается лишь обязательство предоставить деньги и обязательство их вернуть. Это отражается бухгалтерской проводкой [Дт ссудный счет, Кт депозитный счет]. Она означает, что, с одной стороны, банк обязуется предоставить заемщику “деньги” по первому требованию (Кт депозитный счет), а с другой стороны, заемщик обязуется эти “деньги” банку вернуть (Дт ссудный счет). Т.е. проводка отражает возникновение взаимных обязательств банка и заемщика. При этом считается, что “реальные деньги” предо-

ставляются тогда, когда заемщик воспользовался обязательством и потребовал перевода средств в оплату, допустим, продавцу какого-нибудь товара. В этом случае банк с помощью “денег” на корсчете⁷ погашает свое обязательство перед заемщиком (выдает кредит). Делается проводка [Дт депозитный счет, Кт корсчѐт] <...> Разделение понятий “обязательства” и “денег” как в банковской практике, так и в бухгалтерском учете, скрывает кредитную природу денег и не позволяют понять реалии денежного производства и оборота. По-видимому, указанное разделение происходит из представлений о товарной теории денег, при которой деньги являются неким “товаром” (или, как сейчас часто говорят, “активом”) и имеют собственную ценность».

Альтернатива монетарному и патрональному социальным порядкам

Почти сто лет тому назад несколько американских экономистов предлагали покончить с производством денег коммерческими банками путем выдачи кредитов. А именно – упразднить систему «частичного резервирования», в рамках которой банки создают депозиты для финансирования рискованного кредитования и, таким образом, не имеют достаточных безопасных резервов наличности, чтобы вернуть клиентам их вклады. Это предложение не было реализовано.

П. Н. Тесля пренебрежительно отнёсся к аргументам Мервина Кинга, который с 2003 по 2013 гг. был управляющим Банка Англии, в пользу такого решения: «Одно из объяснений заключается в том, что это приведет к ликвидации системы спасения крупных банков по принципу “слишком важны, чтобы обанкротиться” (too important to fail). Банки будут жестко лоббировать решения против такой реформы. Для защиты системы осуществления платежей, столь же важной для повседневного функционирования экономики, как электричество для нашей повседневной жизни, правительства всегда будут гарантировать ценность банковских счетов, используемых для

⁷ Поясню, какое значение здесь имеет слово корсчѐт. Это не что иное, как счет коммерческого банка в Банке России. Сразу отмечу, что подобные счета во Франции не называются корреспондентскими, а называются просто счетами коммерческого банка в Банке Франции.

осуществления платежей, и поэтому в интересах банков изыскивать способы размещения рискованных активов на том же балансе, что и депозиты» [King, 2016. P. 263]. В балансе кредиты рассматриваются как активы, а депозиты как пассивы. Одно, в теории, должно уравнивать другое, однако кредиты – это рискованные активы со всеми вытекающими из этого последствиями.

В названии процитированной книги М. Кинга присутствует слово «алхимия», работа В. Ю. Катасонова [Катасонов, 2020], на которую я ссылаюсь в своей книге, называется «Алхимия денег». В первой главе я кратко описываю, как секрет этой алхимии долгое время тщательно скрывался. Сейчас, когда значительная масса денег циркулирует электронным способом, сохранять его стало невозможно. Центробанки стали раскрывать этот секрет, делая при этом соответствующие комментарии.

Вот что разместил на своем официальном сайте Банк Франции⁸: «Деньги создаются коммерческими банками, когда хозяйствующие субъекты (домохозяйства, предприятия и т.д.) делают займы, чтобы финансировать свою деятельность. То есть, когда коммерческий банк предоставляет кредит частному лицу или компании, сумма этого кредита записывается на банковский счет клиента: таким образом создаются деньги <...>

Хотя сегодня признается, что “кредиты создают депозиты” (именно банковская система является инициатором создания денежной массы), вплоть до 1970-х годов многие экономисты отстаивали обратное под названием теории частичного резервирования: депозиты клиентов банка якобы являются предпосылкой для любого предоставления кредитов заемщикам. Другими словами, депозиты всегда должны предшествовать кредитам. Эта теория, которая в прошлом могла быть верной для некоторых банков, уже не соответствует действительности. Простой росписью пера или нажатием клавиш компьютера кредит сразу становится депозитом, и эта бухгалтерская запись сразу увеличивает денежную массу, находящуюся в обращении в экономике. Именно потребность в финансировании экономических агентов является источником создания денег, которые сопровождают экономическую деятельность. Таким образом,

⁸URL: <https://abc-economie.banque-france.fr/>

именно кредиты коммерческих банков – прямой источник депозитов, а не наоборот.

Коммерческие банки не могут предоставлять кредиты и, следовательно, создавать денежную массу неограниченно. Существуют два типа ограничений на создание денег: с одной стороны, цель стабильности цен заставляет Центральный банк (ЦБ) в рамках денежно-кредитной политики косвенно регулировать количество денег, находящихся в обращении в экономике; с другой – банковское регулирование устанавливает правила пруденциальности (благоразумности). Например:

- коммерческие банки должны иметь минимальные суммы (обязательные резервы) на их счетах в ЦБ, пропорциональные сумме вкладов их клиентов на их счетах;

- размер собственных средств (капитала, резервов и т.п.) должен быть пропорциональным рискам предоставленных кредитов. Таким образом, создание денежной массы путем выдачи кредитов сопровождается усилением потребностей банков в капитале;

- банки должны иметь надлежащие процедуры внутреннего контроля, чтобы оценить способность заемщиков погашать займы и тем самым ограничить риски дефолта.

Павел Николаевич отвел много места в своей статье обсуждению проблемы альтернативности социально-экономического развития, но не заметил описание альтернативы, предложенной в Заключении моей книги: «Первым шагом в построении справедливого социального порядка будет переход на суверенные деньги, то есть права денежной эмиссии должны быть лишены частные банки и оно должно стать монопольным правом центральных банков. Однако для реальной суверенности денег, народ, то есть прописанный в конституции суверен (верховная власть), и его наиболее активная часть – общественность – должны получить доступ к управлению денежными потоками, что при нынешнем электронном характере денег технически вполне реализуемо. Такое управление может быть обеспечено только при развитой системе делиберативной демократии, которая должна дополнить представительную демократию и проникнуть во все её поры.

Если принимается решение национального или даже областного масштаба, то обсуждение на очных встречах всех

голосующих становится невозможным, а вот среди (скажем, не больше 1000 человек) отобранных из причастных граждан случайным образом (по жребию), как это делалось в Афинах в V в. до н.э., такое (скажем, недельное) обсуждение становится возможным. Эта совокупность отобранных по жребию граждан является как бы моделью всего общества (всей страны или отдельной области). Голосование без институционально закрепленного, то есть обязательного и организованного по определенным правилам, обсуждения, имеет многие недостатки существующего в настоящее время голосования, как то недостаточная осведомленность граждан, манипулирование сознанием голосующих ангажированными средствами массовой информации, игнорирование голосующими иных мнений и позиций и т.п. Приход к власти народа будет происходить постепенным расширением компетенций делиберативных собраний, то есть обсуждений, проводимых с целью принятия решений во временных образованиях, похожих на собрания присяжных заседателей, созданных для решения вполне определенных вопросов, члены которых отбираются в случайном порядке из граждан, пожелавших участвовать в этих обсуждениях. В этой демократии место политических партий займут временные ассоциации граждан, активно вовлеченные в политические дебаты и принятие политических решений. Такая демократия сделает излишней тотальную национализацию для обеспечения интересов большинства граждан.

Сохраняя деньги как эффективное средство взаимодействия и координации деятельности предприятий в интересах граждан, нужно лишить деньги их способности стать источником власти, которая проистекает от их большого наличия у отдельных людей и организаций. Это можно сделать, лишив деньги функции накопления богатства. Вместо выплаты процентов за хранение денег на депозитах в банках, за такое хранение должна взиматься достаточно серьезная (пропорциональная хранящейся сумме) плата. В этом случае деньги будет невыгодно хранить и тем самым изымать из обращения, а использовать их исключительно как средство взаимодействия и координации людей. Имея деньги, люди будут стремиться как можно быстрее их потратить для своих нужд и тем самым пустить их в оборот.

Важно отметить, что многие российские левые борются за власть, а бороться нужно не только за власть, но прежде всего за человека. Пока большинство российских граждан не сменят свои привычки действовать и взаимодействовать, ничего хорошего для большинства граждан России не произойдет. Ясно, что радикальная смена привычек может произойти только для следующих поколений, поэтому огромное значение имеют радикальные изменения в области образования. Образование должно способствовать тому, чтобы роль коллективных обсуждений и коллективных решений на их основе должна стать преобладающей. Вместо либо назначенных или избранных, такие обсуждения, приводящие к решениям, должны осуществляться гражданами, отобранными случайным образом, то есть модель принятия решений присяжными заседателями в судах должна стать универсальной для любых важных социально-политико-экономических решений» [Ефимов, 2021. С. 279–280].

Литература

Гамильтон У.Х. Институциональный подход к экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т.5. №2. С. 110–117.

Ефимов В.М. К теории управленческих имитационных игр // Динамическая и вероятностная оптимизация экономики. Новосибирск: Наука. 1978. С. 132–174.

Ефимов В.М., Комаров В.Ф. Введение в управленческие имитационные игры. М.: Наука, 1980.

Ефимов В.М. Игровая имитационная модель для исследования проблем хозяйственного механизма // Экономика и математические методы. 1986. № 4. С. 651–661.

Ефимов В.М. Имитационная игра для системного анализа управления экономикой. М.: Наука, 1988.

Ефимов В.М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М, 2016.

Ефимов В.М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука. М.: Курс, 2021.

Катасонов В.Ю. Алхимия денег. Как банки делают деньги из воздуха. М.: Книжный мир, 2020.

Кирдина-Чэндлер С.Г. О деньгах и социальных порядках (размышления над статьей В.М. Ефимова) // Вопросы теоретической экономики. № 2. 2019. С. 7–25.

Коммонс Дж. Правовые основания капитализма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.

Лаврушин О. И. (под ред.) Деньги, кредит, банки: учебник. 15-е изд., стер. М.: КНОРУС. 2016.

Леонард Р. Ценность, знак и социальная структура: метафора «игры» и современное обществознание // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. Вып. 6. М.: ИД ГУ ВШЭ. 2006. С. 265–300.

Мэнкью Н. Г. Принципы макроэкономики. 4-е изд. М. [и др.]: Питер. 2010.

Розанова Н. М. Монетарная экономика. Теория денег и кредита. Том 1. М.: Юрайт, 2016.

Розанова Н. М. Монетарная экономика. Теория денег и кредита. Том 2. М.: Юрайт, 2017.

Смит В. Экспериментальная экономика. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2008.

Соколов Я. В. Бухгалтерский учет как сумма фактов хозяйственной жизни: учеб. пособие. М.: Магистр; ИНФРАМ, 2014.

Соколов Я. В., Соколов В. Я. История бухгалтерского учета: учебник. М.: Финансы и статистика, 2004.

Тесля П. Н. О социальных порядках, способах их постижения и конструирования (о новой книге В. М. Ефимова) // ЭКО. 2021. № 7. С. 171–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-7-171-192

Шапиро Н. А. Институциональная экономика в современной экономической науке, или по поводу всего в статье В. М. Ефимова «Анти-Аузан: критика одной социальной философии» // ЭКО. 2021. № 2. С. 176–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-176-192

King M. The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy. год?

Kahneman D., Tversky A. (eds). Choices, Values, and Frames. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Plott Ch. R., Smith V. L. (eds) Handbook of Experimental Economics Results. Amsterdam: North Holland, 2008.

Yefimov V. Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie. Paris: l'Harmattan, 2003.

Статья поступила 11.05.2021

Статья принята к публикации 16.06.2021

Для цитирования: *Ефимов В. М.* Дискурсивно-историко-прагматистско-конструктивистская институциональная экономика и понимание природы денег (ответ П. Н. Тесле) // ЭКО. 2021. № 8. С. 169–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-8-169-192

Summary

Yefimov, V., Doct. Sci. (Econ., Development Studies), independent researcher, France

Discursive-Historical-Pragmatist-Constructivist Institutional Economics and Understanding of the Nature of Money (Response to P.N. Teslia)

Abstract. This paper is a response to P.N. Teslia's review of the book "Money, Social Orders and Economic Science". In this review, its author shows

many beliefs-convictions of the contemporary community of Russian academic economists, so this response can be considered as an analysis of these beliefs. Their deep rootedness, associated with the prevailing habits of thinking, leads to difficulties in understanding the text of the reviewed book. These difficulties in the paper are called points of incomprehension and they are analysed here in detail. In particular, the false perception of the concept of pay community introduced in the book is considered in detail. This concept allows us to give an in-depth understanding of money as a social institution.

Keywords: *thinking habits; academic economists; points of incomprehension; discursive-historical-pragmatist-constructivist institutional approach; pay community; institutional theory of money; accounting as a model; double entry as a mental habit; alternative to existing social orders*

References

- Commons, J.R. (1924). *Legal Foundations of Capitalism*, New York: Macmillan.
- Hamilton, W.H. (1919). The Institutional Approach to Economic Theory. *American Economic Review*. 9 (March). Pp. 309–318.
- Kahneman, D., Tversky, A. (eds). (2000). *Choices, Values, and Frames*. Cambridge: Cambridge University Press..
- Katasonov, V. Yu. *Alchemy of money. How banks make money out of thin air*. Moscow: Book World. 2020. (In Russ.).
- King, M. (2017). *The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy*.
- Kirdina-Chandler, S. G. (2019). On money and social orders (reflections on the article by V.M. Efimov). *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. Pp. 7–25. (In Russ.).
- Lavrushin, O.I. (ed) (2016). *Money. Banks*. Textbook. 15th edition. Moscow. KNORUS. (In Russ.).
- Leonard, R.J. (2006). Value, sign, and social structure: the ‘game’ metaphor and modern social science. *The European Journal of the History of Economic Thought* 4. No.22. Dec. Pp. 299–326.
- Mankiw, N.G. (2008). *Principles of Macroeconomics*. Chula Vista, CA: South-Western College.
- Plott, Ch. R., Smith, V. L. (eds) (2008). *Handbook of Experimental Economics Results*. Amsterdam: North Holland.
- Rozanova, N. M. (2016). *Monetary economy. Theory of money and credit*. Volume 1. Moscow. Yurayt. (In Russ.).
- Rozanova, N. M. (2017). *Monetary economy. Theory of money and credit*. Vol. 2. Moscow. Yurayt. (In Russ.).
- Shapiro, N. A. (2021). Institutional Economics in the modern economic science, or about the article of V.M. Yefimov “Anti-Auzan: critique of a social philosophy”. *ECO*. No. 2. Pp. 176–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–2–176–192
- Smith, V. (2008). *Experimental economics (a set of studies, according to the totality of which the author was awarded the Nobel Prize)*, translated from

English, under the scientific editorship of R.M. Nureyev. Moscow. IRISEN; Mysl. (In Russ.).

Sokolov, Ya. V. (2014). Accounting as the sum of the facts of economic life: textbook. manual. Moscow. Magister; INFRAM. (In Russ.).

Sokolov, Ya. V., Sokolov, V. Ya. (2004). History of accounting. Moscow. Finance and Statistics. (In Russ.).

Teslya, P. N. (2021). On the social formations, their comprehension and constructing (on the new book V.M. Yefimov). *ECO*. No. 7. Pp.171–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–7–171–192

Yefimov, V. (2003). *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. Paris: l'Harmattan,

Yefimov, V. M. (1986). Gaming simulation model for the study of economic mechanism problems. *Economics and Mathematical methods*. No. 4. Pp. 651–661. (In Russ.).

Yefimov, V. M. (1988). Simulation game for systems analysis of economic management. Moscow. Nauka. (In Russ.).

Yefimov, V. M. (2016). Economic science under question: other methodology, history and research practices. Moscow. Kurs: INFRA-M. (In Russ.).

Yefimov, V. M. (2021). Money, social orders and economic science. Moscow. Kurs. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (1978). On the theory of management simulation games. *Dynamic and probabilistic optimization of the economy*. Novosibirsk: Nauka. Pp. 132–174. (In Russ.).

Yefimov, V.M., Komarov, V. F. (1980). Introduction to management simulation games. Moscow. Nauka. (In Russ.).

For citation: Yefimov, V. (2021). Discursive-Historical-Pragmatist-Constructivist Institutional Economics and Understanding of the Nature of Money (Response to P.N. Teslia). *ECO*. No. 8. Pp. 169–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-8-169-192